

003482271

На правах рукописи

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич

**МОДЕЛИ РЕГИОНАЛИЗМА И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Специальность 23 00 04 – Политические проблемы
международных отношений и глобального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

5 НОЯ 2009

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре мировых политических процессов
Московского государственного института международных отношений
(Университета) МИД России

Научный консультант доктор политических наук,
профессор Лебедева Марина Михайловна

Официальные оппоненты доктор экономических наук, член-корр РАН,
профессор Михеев Василий Васильевич

доктор исторических наук,
профессор Лузянин Сергей Геннадьевич

доктор политических наук,
профессор Петровский Владимир Евгеньевич

Ведущая организация Дипломатическая академия МИД России

Защита состоится «19» ноября 2009 г в «11» часов на
заседании диссертационного совета Д 209/002 02 по политическим наукам
при Московском государственном институте международных отношений
(Университете) МИД России по адресу 119454, Москва, проспект
Вернадского, 76

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
МГИМО (У) МИД России.

Автореферат разослан «19» октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к п н

И Н Тимофеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В качестве определяющего тренда современного мирового развития сохраняется воздействие глобализации, что в 1997 г продемонстрировал азиатский финансовый кризис, а в 2008 г еще более масштабно подтвердил мировой экономический кризис. Актуальность темы исследования заключается в том, что оно находится в рамках изучения именно этой коллизии - нарастания тенденций к глобализации, с одной стороны, и к регионализму и регионализации - с другой.

Действие последних вызывает значительное повышение роли регионов, когда идея полной унификации не работает, мир становится полицентричным, а на ход его развития все больше влияют новые, в том числе азиатские, игроки. При этом государства, входящие в межправительственный форум АСЕАН Плюс Три (АПТ - страны АСЕАН, Китай, Япония и РК), становятся костяком для восточноазиатской экономической интеграции с более широким участием стран из примыкающих регионов. Прошедший в 2005 г первый Саммит Восточной Азии подтвердил намерения участников постепенно продвигаться по пути создания «Восточноазиатского сообщества» (ВАС), однако подходы региональных лидеров (КНР и Японии) к его построению существенно разнятся. Пекин в качестве приоритетного избрал закрытый вариант, в то время как Токио стремится к созданию расширенного варианта сообщества.

Тема исследования актуальна для выработки «азиатского вектора» российской внешней политики, так как тенденции развития закрытых форм регионализма не отвечают интересам РФ в Восточной Азии, и требуется выработка ее приоритетов в подходах к участию в многосторонних механизмах сотрудничества. С окончанием «холодной войны» Москва успешно подключилась к межправительственному сотрудничеству на трансрегиональном уровне, став партнером по диалогу Регионального Форума АСЕАН (АРФ) и членом Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), и в субрегионе Северо-Восточной Азии (СВА) - в рамках проекта «Туманган» и Шестисторонних переговоров по проблеме безопасности Корейского полуострова. Однако, когда в 2005 г Россия проявила интерес к участию в ВАС, то встретила с существенными трудностями. Учитывая, что расширение Россией взаимодействия со странами Восточной Азии, в том числе с ближайшими соседями по СВА, по-прежнему остается одним из ключевых средств для включения Дальнего Востока РФ в процессы регионального экономического сотрудничества, исследование особенностей моделей восточноазиатского регионализма является исключительно актуальной задачей.

Замысел диссертации определен рядом факторов, в том числе тем, что государства реализуют свои политические устремления во многом через создание и поддержку межправительственных организаций (МПО), которые, выступая в качестве транснациональных акторов, имеют свои интересы и цели. Автор учитывал, что безопасность и экономика являются наиболее важными сферами в плане формирования и воздействия на мировую политику.¹ В этой связи процессы регионализма Восточной Азии рассмотрены в данном исследовании преимущественно через призму деятельности МПО в области безопасности и экономики. В то же время анализ только институциональных форм, оболочек, организационных структур интеграции вне анализа реальных проявлений регионального процесса малопродуктивен.² Поэтому целостное описание интеграционных моделей не возможно без анализа процессов регионализации. Именно этот тезис сыграл важную роль в постановке исследовательских задач и формировании структуры работы, включающей отдельные главы по изучению проблематики регионализма и регионализации Восточной Азии.

Основное внимание в исследовании уделено политико-экономическим аспектам регионализма и регионализации, получившим в Восточной Азии наибольшее развитие, а также характеристике межправительственных институтов многостороннего сотрудничества в области безопасности. При этом деятельность американских двусторонних союзов, сдерживающих формирование открытой многосторонней системы безопасности в регионе, а также ряда стран, во многом оставшихся за пределами интеграционных процессов (например, Монголии и КНДР) отображена в меньшей степени и только в части касающейся основной темы работы.

Объектом исследования служит процесс формирования Восточной Азии как самостоятельного международно-политического региона.

Предметом исследования является роль и интересы межправительственных организаций и негосударственных акторов в моделях регионализма и регионализации Восточной Азии соответственно.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 80-х годов XX века, когда Япония выступила основным двигателем начавшегося регионального экономического роста, до настоящего времени.

¹ Лебедева М. М. Действующие лица или исполнители? Проблема акторности в мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Отв. ред. Лебедева М. М. – М.: Голден-Би, 2008. С. 5-6.

² Рогожин А. А. Юго-Восточная Азия и интеграция // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Отв. ред. Воскресенский А. Д. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 360.

Целью исследования является комплексная оценка особенностей международно-политического региона Восточной Азии и практического вклада межправительственных институтов и неправительственных акторов в формирование моделей регионализма и регионализации в интересах развития азиатской и общих теорий интеграции, и выработки рекомендаций для повышения эффективности участия РФ в регионализме

В соответствии с целью исследования были поставлены и решались следующие **исследовательские задачи**

- изучить характер влияния процессов глобализации на формирование азиатских моделей и институтов интеграции,
- выявить характерные особенности азиатской интеграции в качестве возможного вклада в общую теорию интеграции,
- проанализировать эффективность межправительственных организаций и институтов трансрегионального, регионального и субрегионального уровней и возможность их применения в качестве моделей сотрудничества,
- изучить роль основных акторов в становлении регионализма Восточной Азии, дать оценку их лидерского потенциала и перспектив развития конкурирующих моделей регионализма,
- оценить роль и интересы ведущих внешних и периферийных участников восточноазиатского регионализма,
- определить вклад частного бизнеса и гражданского общества в развитие регионализации и формирование идентичности Восточной Азии,
- оценить степень «региональности» Восточной Азии в целом и ее способность выступать в качестве самостоятельного международно-политического региона,
- охарактеризовать российские подходы к регионализму Восточной Азии и предложить возможности более эффективного участия

Степень научной разработанности проблемы

Несмотря на признание экспертным сообществом возрастания роли Восточной Азии в мировой политике и экономике, в российской политической науке продолжает доминировать изучение европейской интеграции. Исследованию её азиатских моделей, которые вносят принципиальные изменения в сформированную на европейском опыте общую теорию интеграции, посвящено не так много работ. При этом масштабного исследования опыта азиатской интеграции на основе комплексного аналитического подхода, применённого автором к изучению МПО и неправительственных акторов, в российской науке ранее не проводилось

В наибольшей степени для характеристики МПО, неправительственных акторов и моделей регионального порядка автор опирался на теоретические инструменты, предложенные проponentами неолитерального институционализма (Кохэн Р, Мартин Л, Баркин Д и др),³ конструктивизма (Вендт А, Катценштейн П и др)⁴ и критицизма (Кокс Р, Линклэйтер А и др)⁵ Для оценки процессов регионализма Восточной Азии автор обратился также к теориям «становления пространственной восточноазиатской структуры стабильности» и «равноположенного развития» Богатунова А, и «многофакторного равновесия» Воскресенского А⁶

Специальное внимание автором было уделено работам, посвященным исследованию дихотомии глобализация – регионализация, в которой заложен спор о перспективах дальнейшего развития мировой политики и экономики Для изучения этой проблематики автор обратился к работам Иноземцева В, Караганова С, Кулагина В, Лебедевой М, Мельвиля А, Миттелмана Д, Михеева В, Омае К, Петровского В, Розенау Д, Томпсона Г, Фельдмана Д, Хелда Д, Хирста П, Цыганкова П и других исследователей⁷

Важную роль для выработки теоретических подходов к исследованию сыграли современные наработки концепции «нового регионализма» Считается, что первым этот

³ Keohane R *International Liberalism Reconsidered* // *The Economic Limits to Modern Politics*, ed by Dunn J - New York, 1990, Martin L *Interests, Power and Multilateralism* // *International Organization* - 1992 №46, Barkin J S *International organization theories and institutions* - Palgrave Macmillan, 2006

⁴ Wendt A *Anarchy is What States Make of It The Social Construction of Power Politics* // *International Organization* - 1994, - #46, Katzenstein P *The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics* - New York, 1996

⁵ Cox R *Critical Political Economy* In eds by B Hettne *International Political Economy Understanding Global Disorder* - London Zed Books, 1995, Linclater A *The Transformation of Political Community* - Cambridge, 1998

⁶ Богатунов А *Великие державы на Тихом океане* – М, 1997, Богатунов А Д *Очерки теории и политического анализа международных отношений* / Отв ред Богатунов А Д, Косолапов Н А, Хрусталёв М А – М НОФМО, 2002, Воскресенский А *Россия и Китай теория и история межгосударственных отношений* – М, 1999

⁷ Иноземцев В Л, Караганов С А *О мировом порядке XXI века* // *Россия в глобальной политике* - 2005 Т 1, № 1, Кулагин В М *Лицо глобализации впечатления и факты* // *Современные глобальные проблемы мировой политики* / Отв ред М М Лебедева - М Аспект Пресс, 2009, Лебедева М М, Мельвиля А Ю *«Переходный возраст» современного мира* // *Международная жизнь* 1999 №10, Лебедева М М *Проблемы развития мировой политики* // *Полис* 2004 № 5, Mittelman J *Globalization An Ascendant Paradigm?* // *International Studies Perspectives* - 2002 Vol 3 #1, Михеев В В *Китай угрозы, риски, вызовы развитию* – М Московский Центр Карнеги, 2005, Ohmae K *Borderless World* - London Collins, 1990, Петровский В Е *От империи к открытому миру О внешней политике России переходного периода* - М Росспэн, 2007, Rosenau J *Exploring Governance in a Turbulent World* – Cambridge, 1997, Фельдман Д М *Глобализация как вызов политической элите России* // *Власть* – 2003 № 2, Hirst P, Thompson G *Globalization in Question* - Cambridge Polity Press, 1996, Held D, McGrew A *Governing Globalization Power, Authority and Global Governance* - Cambridge Polity Press, 2002, Российская наука международных отношений новые направления / под ред А П Цыганкова, П А Цыганкова – М ПЕР СЭ, 2005

термин ввел в научный оборот Э Харрелл⁸, хотя широкое признание он получил после серии публикаций по этой тематике, осуществленной группой из трех ученых (Б Хеттне, А Инотай, О Санкел)⁹ Исследования сторонников этой концепции показали, что характерная для ЕС высокая степень институционализации международных институтов скорее является аномалией, а не ведущей тенденцией их формирования в других регионах мира Тем не менее, сторонники «нового регионализма» не стремятся создать универсальную теорию, называя её рамочной концепцией, основная «новизна» которой заключается в рассмотрении моделей регионализма в других регионах мира

Лидерами региональной интеграции Восточной Азии являются государства и частные корпорации Для анализа роли частного бизнеса в развитии процессов экономической регионализации, оказавших ключевое воздействие на формирование моделей регионализма Восточной Азии, автор опирался на работы таких исследователей, как Акамацу К, Афонцев С, МакИнтайр А, Нотон Б, Хэтч У, Ямамура К, Потапов М, Юнг Х, Мачадо К, Федоровский А, Минакир П и др¹⁰

Среди многообразия неправительственных организаций главное внимание в работе уделено изучению экспертных сообществ так называемой «второй дорожки», способствовавших поиску консенсуса между региональными элитами в продвижении регионализма Восточной Азии При этом на азиатском опыте в исследовании проверены две научные гипотезы Первая за прошедшее 20 лет лидерами регионального сотрудничества в СВА были внутригосударственные регионы (Арасэ Д, Ишаев В, Квон С)¹¹ Суть второй в том, что научное сообщество играет важнейшую роль в

⁸ Hurrell A Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies 1995, vol 21, # 4

⁹ Hettne B, Inotai A, Sunkel O The New Regionalism and the Future of Security and Development - Basingstoke Palgrave, 2000

¹⁰ Akamatsu K A Theory of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, 1962, # 1, Афонцев С А Транснациональные компании в мировой политике // «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты / Отв ред М М Лебедева - М Голден – Би, 2008, MacIntyre A, Naughton B The Decline of the Japan-Led Model of the East Asian Economy In eds by T J Pempel Remapping East Asia NY Cornell University Press, 2005, Hatch W, Yamamura K Asia in Japan's Embrace Building a Regional Production Alliance - Cambridge Cambridge University Press, 1996, Потапов М А Китай в глобальной экономике и вызовы ВТО // Китай угрозы, риски, вызовы развитию Отв ред В В Михеев М Московский Центр Карнеги, 2005, Yeung H Chinese Capitalism in a Global Era Towards Hybrid Capitalism London Routledge, 2004, Machado K Japanese Transnational Production Networks in East Asia Linkages and Regional Integration In eds by K Jomo, B Folk Ethnic Business Chinese Capitalism in Southeast Asia – London Routledge, 2003, Федоровский А Н Южнокорейские чэболь становление, развитие, трансформация – М ИМЭМО РАН, 2007, Минакир П А Отв ред Экономическая политика региональное измерение - Владивосток Дальнаука, 2001

¹¹ Arase D Sun-national Authorities and the Construction of a Japan Sea Community // Paper prepared for the 2001 Hong Kong Convention of International Studies, 2001, Ishayev V Emerging Northeast Asia Progress and Problems of the 1990s - Summary of Presentations, Northeast Asia Economic Conference – Niiigata, 2001, Квон Вон Сун, Гу Джунг Мо, Ли Хен Хун Региональное экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке // Материалы международной конференции - ДВГАЭУ, Владивосток, 2001

формировании региональной идентичности В её развитие П Эванс, А Фукушима, Г Розман¹² и другие выдвинули схожие концепции, обосновывающие необходимость укрепления институциональной базы регионального сотрудничества путем формирования постоянно действующего консорциума исследовательских институтов

Одновременное воздействие глобализации и регионализации на нескольких географических уровнях привело к формированию различных моделей международного сотрудничества, что детерминировало необходимость поставить оценки интеграционных процессов Восточной Азии в политико-экономический контекст трансрегионального (АТР) и субрегионального (СВА и ЮВА) регионализма Проблематике сотрудничества в АТР посвятили свои работы многие исследователи, в том числе Алагатта М, Арин О, Бажанов Е, Богатуров А, Воскресенский А, Косса Р, Моррисон Ч, Песцов С, Петровский В, Симония Н, Титаренко М, Чуфрин Г и др¹³ В связи с ростом в середине 90-х годов интереса к сотрудничеству в рамках АТЭС, уместно выделить в отдельную категорию исследователей, анализирующих проблемы и перспективы развития этой МПО Аггарвала В, Васильева С, Ватанабе А, Кикучи Ц, Кузнецова Н, Линкольна Э, Моррисона Ч, Чжан Юньлиня, А Н, Якубовского В и др¹⁴

Большую значимость для работы имели исследования, посвященные субрегиону СВА, а также поиску вариантов эффективного подключения к нему российского Дальнего Востока Наибольший интерес в этой области представляли работы таких

¹² Evans P, Fukushima A A North Pacific Role in Building Cooperation in Northeast Asia Time to Create a New Network of Research Institutes? // Prepared for the 11th Conference on North Pacific Issues - Sapporo, 1999, Rozman G Crossing the Eurasian Divide // Paper prepared for IREX - Washington, DC, 1999

¹³ Alagappa M Asian Security Order - Stanford Stanford University Press, 2003, Арин ОА Азиатско-Тихоокеанский регион мифы, иллюзии и реальность - М., 1997, Бажанов ЕП Современный мир Избранные труды - М Известия, 2004, Богатуров А Д Великие державы на Тихом океане - М, 1997, Воскресенский А Д Политические системы и модели демократии на Востоке - М Аспект Пресс, 2007, Cossa R, Fukushima A Security Multilateralism in Asia Views from the United States and Japan - University of California, La Jolla, 1999, Asia Pacific Security Outlook, ed by Morrison C, 1997-2005, Tokyo, Japan, Песцов С К Современный международный регионализм сравнительная историческая динамика - Владивосток МГУ им ГИ Невельского, 2004, Петровский В Е Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны» эволюция, перспективы российского участия - М, 1998, Симония Н Размышления о внешней политике России // Проблемы Дальнего Востока 1993 №2, Титаренко М.Я Россия лицом к Азии - М, 1998, Chufirin G Russia and Asia-Pacific Security - SIPRI, Sweden, 1999

¹⁴ Asia-Pacific Crossroads Regime Creation and the Future of APEC, ed by Aggarwal V, Morrison C - New York, 1998, Asia's New Institutional Architecture, ed by Aggarwal V, Min Koo Springer, Berlin, 2008, Васильев С АТЭС и экономическая дипломатия России // Материалы межинститутской научной конференции - МИД РФ, М., 1999, Watanabe A, Kikuchi T Japan's Perspective on APEC - From APEC to Xanadu, ed by Hellman D, Pyle K - Armonk, New York, 1997, Кузнецова Н В Процессы экономической интеграции в АТР сотрудничество и соперничество // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты XXI век / Отв ред В Соколов - Владивосток ДВГУ, 2004, Lincoln E East Asian Economic Regionalism - Washington, DC The Brookings Institution, 2004, Zhang Yunling, China and APEC - Asia-Pacific Crossroads Regime Creation and the Future of APEC, ed by Aggarwal V, Morrison C - New York, 1998, Якубовский В Б Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты XXI век / Отв ред Соколов В Н - Владивосток ДВГУ, 2004

ученых, как Ахаха Ц, Бажанов Е, Бакланов П, Ван Шенцзин, Воскресенский А, Гельбрас В, Денисов В, Зиглер Ч, Иванов В, Ивашита А, Кимура Х, Ларин В, Латкин А П, Ли В, Лузянин С, Минакир П, Мясников В, Портяков В, Розман Г, Титаренко М, Торкунов А, Федоровский А, Чо Ли-джей, Шинковский М и др ¹⁵

Деятельность МПО СВА (Программы «Туманган» и Организации развития энергетики Корейского полуострова - КЕДО) нашла отражение в дискуссии, ведущейся с середины 90-х годов. Различные аспекты программы «Туманган» рассматривались такими российскими учеными, как Бакланов П, Забровская Л, Коркунов И и др ¹⁶. Оценки институциональных особенностей МПО («Туманган» и КЕДО) в качестве модели многостороннего сотрудничества были предложены как руководящими чиновниками этих организаций (Андерсон Д, Гомбо Ц), ¹⁷ так и рядом экспертов (Йошида С, Косса Р, Снайдер С и др) ¹⁸

¹⁵ Akaha T Politics and Economics in Northeast Asia. – NY, 1999, Бажанов Е П Китай от срединной империи до сверхдержавы XXI века. – М «Известия», 2007, Бакланов П Я Дальневосточный регион России Проблемы и предпосылки устойчивого развития – Владивосток, Дальнаука, 2001, Бакланов П Я, Ганзей С С Трансграничные территории проблемы устойчивого природопользования – Владивосток Дальнаука, 2008, Wang Shenjin Northeast Asian Economic Cooperation and the Role of Regional Government // Proceedings of the 8th Northeast Asia Economic Forum - Yonago, Japan, 1998, Воскресенский А Д Отв ред Восток/Запад Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений – М РОССПЭН, 2002, Гельбрас В Г Россия и Китай вопросы собирания геоэкономических пространств // Полис 1995 №6, Денисов В Доверительное партнёрство с Сеулом? // Международная жизнь 2005 №5, Ziegler C, Thornton J The Russian Far East The Region at Risk? – Seattle, 2002, Ivanov V The Energy Sector in Northeast Asia New Projects, Delivery Systems, and Prospects for Cooperation – UBC, Vancouver, 2000, Iwashita A eds Eager Eyes Fixed on Eurasia. - Vol 2, Slavic Research Center, Sapporo, 2007, Kimura H eds Russia's Shift toward Asia - The Sasakawa Peace Foundation, 2007, Ларин В Л Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века) – М Восток-Запад, 2005, Латкин А П Теория и практика управления инвестиционными процессами в переходной экономике – Владивосток ДВГУ, 2004, Лузянин С Г Российско-китайское стратегическое партнёрство в XXI веке // МЭиМЭ 2005, №5, Минакир П А Отв ред Экономическая политика региональное измерение – Владивосток Дальнаука, 2001, Мясников В С Положение в сфере безопасности СВА // Проблемы Дальнего Востока 1996 №5, Портяков В Я От Цзян Цзинмин к Ху Цзинтао КНР в начале XXI века – М ИДВ РАН, 2006, Rozman G Northeast Asia's Stunted Regionalism Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization - Cambridge Cambridge University Press, 2004, Титаренко М Л, Кузык Б Н Китай - Россия 2050 стратегия соразвития – М, 2006, Торкунов А В, Денисов В И, Ли Вл Ф Корейский полуостров метаморфозы послевоенной истории – М ОЛМА Медиа Групп, 2008, Федоровский А Н Южнокорейские чзболь становление, развитие, трансформация – М ИМЭМО РАН, 2007, Cho L Opening Remarks // Proceedings of the 9th Northeast Asia Economic Forum - Tianjin, 1999, Шинковский М Ю, Шведов В Г, Волинчук А Б Геополитическое развитие Северной Пацифики - Владивосток Дальнаука, 2007

¹⁶ Бакланов П Экономико-географические и геополитические предпосылки интеграционных отношений и процессов // Известия Российской Академии Наук Серия географическая – 1996 №6, Забровская Л Проект «Туманган» взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока 1995 №1, Коркунов И О проекте СЭЗ «Туманган» на территории России, Китая и КНДР // Проблемы Дальнего Востока 1994 №3

¹⁷ Anderson D Myths of KEDO // Presentation at Georgetown-Pacific Century Institute, Washington D C, March 25, 2001, Gombo T Issues of Regional Economic Cooperation in Northeast Asia // Summary of Presentations, Northeast Asia Economic Conference - Niigata, 2001

¹⁸ Yoshida S Issues for the Tumen River Area Development Program // Proceedings of the 9th Northeast Asia Economic Forum - Tianjin, 1999, Cossa R The U S – DPRK Agreed Framework Is it Still Viable? Is it Enough? - Pacific Forum CSIS, Honolulu, 1999, Snyder S The Korean Peninsula Energy Development Organization Implications for Northeast Asian Regional Security Cooperation – UBC, Vancouver, 2000

С учетом того, что АСЕАН является базовой платформой и моделью для институтов многостороннего сотрудничества Восточной Азии, существенное внимание автор уделит научным трудам, посвящённым проблематике сотрудничества в экономике и безопасности ЮВА, в том числе таких исследователей, как Ачара А, Го Э, Малетин Н, Мосяков Д, Несадурай Х, Рогожин А, Сумский В, Хорос В, Ширайши Т и др.¹⁹

Повышение к концу 90-х годов внимания к взаимодействию в рамках АСЕАН + 3 привело к увеличению числа исследований, посвященных оценке перспектив формирования политико-экономического региона Восточной Азии, среди которых выделяются работы Бисона М, Бреслина С, Воронцова А, Воскресенского А, Катзенштейна П, Керли М, Лузянина С, Михеева В, Павлятенко В, Пемпеля Т Д, Равенхилла Д, Стаббса Р, Стрельцова Д, Танака А, Титаренко М, Тренина Д, Цунекава К, Чуфрина Г, Эванса П, Ян Веньчана и др.²⁰

¹⁹ Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problem of Regional Order - London: Routledge, 2001; Acharya A., Goh E. The ASEAN Regional Forum and security regionalism: comparing Chinese and American positions. In eds by M. Curley, N. Thomas. Advancing East Asian Regionalism - NY: Routledge, 2007; Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития - М: МГИМО, 2007; Мосяков Д.В. США - Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня - 2007, №7; Nesadurai H. Southeast Asia's New Institutional Architecture for Cooperation in Trade and Finance. In eds by Aggarwal V., Koo Min Asia's New Institutional Architecture - Springer, 2008; Рогожин А.А. Юго-Восточная Азия и интеграция // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Отв. ред. Воскресенский А.Д. - М: РОССПЭН, 2002; Сумский В.В. АСЕАН на рубеже сорокалетия // Север - Юг - Россия 2007 / Ежегодник под ред. В.В. Сумского и В.Г. Хороса - М: ИМЭМО, 2008; Shiraishi T. The Third Wave: Southeast Asia and Middle-Class Formation in the Making of a Region. In eds by P. Katzenstein, T. Shiraishi. Beyond Japan: the Dynamics of East Asian Regionalism - Cornell University, 2006.

²⁰ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia - Palgrave Macmillan, 2007; Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds by Curley M., Thomas N. Advancing East Asian Regionalism - NY: Routledge, 2007; Воронцов А.В. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока - 2007, № 3; Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. Под ред. А.В. Торкунова - М: МГИМО, 2007; Katzenstein P. East Asia - Beyond Japan. In eds by P. Katzenstein, Shiraishi T. Beyond Japan: the dynamics of East Asian regionalism - Ithaca: Cornell University Press, 2006; Curley M., Thomas N. eds. Advancing East Asian Regionalism - NY: Routledge, 2007; Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) - М: Восток-Запад, 2007; Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов - М: Русь-Олимп, 2008; Павлятенко В. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока - 2002, № 6; Pempel T. J. eds. Remapping East Asia - Cornell University. Cornell University Press, 2005; Ravenhill J. Asia's New Economic Institutions. In eds by Aggarwal V., Koo Min Asia's New Institutional Architecture - Springer, 2008; Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // Asian Survey - 2002, № 42 (3); Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // МЭиМО - 2007, № 2; Tanaka A. The development of the ASEAN+3 framework. In eds by M. Curley, N. Thomas. Advancing East Asian Regionalism - NY: Routledge, 2007; Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор - М, 2003; Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000-5. In eds by G. Rozman. Russian Strategic Thought toward Asia - NY: Palgrave Macmillan, 2006; Tsunekava K. Building Asian Security Institutions Under the Triple Shocks: Competitive, Complementary or Juxtaposed? In eds by Aggarwal V., Koo Min Asia's New Institutional Architecture - Springer, 2008; Чуфрин Г.И. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом - М: Наука, 2004; Evans P. Between Regionalism and Regionalization. In eds by T. J. Pempel. Remapping East Asia - NY: Cornell University Press, 2005; Yang Wenchang. My Views on China-Japan Relations and Asia's Future //

Теоретико-методологическую основу исследования составили разработки российских и зарубежных ученых, посвященные развитию современного мирового политического процесса, оценке роли основных участников регионализма и регионализации в условиях глобализации. При этом автор преимущественно опирался на теоретические идеи, выработанные в рамках неолиберальной парадигмы в науке о международных отношениях, рефлексивистских теорий (конструктивизма и критицизма), а также использовал современные наработки концепции «нового регионализма».

В ходе исследования автор применил комплексный анализ, включающий такие характерные для политической науки методы, как системный, сравнительный, исторический, институциональный, функциональный, социологический. При выборе ведущих методологических подходов автор учитывал оценки о том, что в практике современных политических исследований основными являются системный и сравнительный методы, причем именно второй становится основополагающим.²¹ Также было принято во внимание, что в рамках «нового регионализма» основным методом исследований, позволяющим выявить различия в моделях регионального сотрудничества, является сравнительный. При применении этого метода автор использовал как статистический, так и конфигуративный подходы. При этом в конфигуративных исследованиях, включающих интерпретативные методики, он концентрировался на сравнении межправительственных институтов, макрополитических и макроэкономических переменных с учетом специфики исторического, географического и социально-экономического контекстов политической жизни стран Восточной Азии.

В целях классификации сходных процессов и институтов отдельных стран и региона в целом диссертант опирался на такие подходы как построение моделей – специально синтезированных для удобства исследования объектов, обладающих необходимой степенью подобия исходному, адекватной целям работы.

Для оценки роли и эффективности международных организаций и институтов были применены институциональный и функциональный методы.

Эмпирическую базу работы составили многочисленные документальные источники, в том числе официальные документы органов государственной власти РФ, выступления государственных руководителей России и других стран, аналитические документы, разработанные МИД РФ, внутригосударственными регионами и научно-

исследовательскими учреждениями стран Восточной Азии, научные концепции развития региона, монографии и научные статьи российских и зарубежных ученых, статистические данные, характеризующие уровень развития международных связей в регионе

Важную роль в подготовке диссертации сыграли научное общение с экспертами в ходе исследовательских стажировок, участие в международных научных конференциях, а также широкое использование данных, почерпнутых из выходящих в РФ и других странах периодических изданиях и в электронной сети «Интернет»

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественном научном сообществе на основе комплексного анализа межправительственных институтов и неправительственных акторов охарактеризованы модели регионализма и регионализации Восточной Азии, что является существенным вкладом в изучение мало исследованной проблематики азиатской интеграции

В этой связи автором

- выявлен алгоритм между изменениями в процессах развития глобализации и моделями создаваемых азиатских институтов,
- установлен ряд принципиальных особенностей восточноазиатской интеграции, опровергающих универсализм европейской теории и доказывающих широкую вариативность моделей интеграции,
- оценена эффективность институциональных моделей азиатских институтов,
- исследована роль основных акторов, дана оценка их лидерского потенциала и перспектив развития конкурирующих моделей восточноазиатского регионализма, проанализирована роль ведущих периферийных и внешних участников,
- выявлены факторы, противодействующие и способствующие интеграции, и дана комплексная характеристика Восточной Азии как международно-политического региона,
- проанализированы российские подходы к восточноазиатскому регионализму, и предложены варианты более эффективного участия,
- в российский научный оборот введены результаты значительного числа новых исследований, посвященных проблематике сотрудничества в Восточной Азии

Основные положения, выносимые на защиту.

1 Формирование новых азиатских институтов совпадало либо со временем шоковых изменений в системе международных отношений (окончание «холодной войны») способствовало появлению АТЭС и АРФ), либо кризисов (азиатский финансовый кризис обеспечил быстрое становление АПТ) Автором доказана гипотеза о том, что создаваемые в регионе межправительственные институты были призваны либо способствовать целям

распространения глобализации (формирование АТЭС и АРФ по принципу открытого регионализма), либо противодействовать её негативным последствиям (создание АПТ по принципу закрытого регионализма) При этом формирование Саммита Восточной Азии произошло в рамках трансформаторского подхода в теории глобализации Компромиссный характер отразился на модели этого института (географически он меньше АТЭС, по больше АПТ, и не имеет ясной идентичности) Включение же в его состав дополнительно трех государств с устойчивыми демократическими традициями можно рассматривать, как попытку повлиять на характер восточноазиатского регионализма в духе трансформализма Хелда В то же время установлено, что движимые глобализацией западные образцы международного сотрудничества не оказали доминирующего воздействия на модели регионализма Восточной Азии, которые выстраиваются с опорой, преимущественно, на азиатские подходы

2 Работа опровергает универсализм европейской теории интеграции, в том числе ее положения о том, что основную роль в ней всегда играют государства и создаваемые ими международные организации, и о том, что региональная экономическая интеграция должна начинаться с создания зоны свободной торговли (ЗСТ) К настоящему времени не нашёл подтверждения и тезис о том, что результатом восточноазиатской интеграции должно стать формирование политического сообщества по типу ЕС

В ходе исследования выявлены следующие особенности азиатской интеграции

- *дуализм реализуемых проектов* В Восточной Азии действуют два конкурирующих межправительственных форума (АПТ и Саммит Восточной Азии), принципиально отличающихся видением региона Первый предлагает закрытый регионализм и «азиатские ценности», а второй – открытый регионализм и универсальные демократические ценности,

- *экономическая интеграция, характеризующаяся низкой степенью институционализации сотрудничества*, получила приоритетное развитие, при этом уровень взаимодействия в политической и культурной сферах существенно ниже,

- *основными направлениями экономической интеграции являются торгово-экономическое и финансовое*, при этом последнее, в силу меньшего потенциала конфликтности и большей актуальности для региона, вышло на ведущие позиции и получило развитие, не дожидаясь создания ЗСТ,

- *рынки, торговля и инвестиции, а также частные корпорации явились главной движущей силой экономической регионализации*, которая в Восточной Азии предшествовала регионализму и определила как основные функциональные направления интеграции, так и границы формирующегося региона,

- *интеграционные процессы Восточной Азии являются многоуровневыми* (трансрегиональные, региональные, субрегиональные, «естественные экономические территории») и *взаимонакладывающимися*. Например, Малайзия, одновременно входит в АТЭС, АРФ, АПТ, АСЕМ, Саммит Восточной Азии, АСЕАН, АФТА, треугольник развития Индонезия, Малайзия и Сингапур, зону развития Большого Меконга и другие межправительственные институты. В большинстве их она выступает как суверенное государство, однако в некоторых, как, например, АПТ, АСЕМ, FEALAC, предстает как член консолидированной группы стран ЮВА,

- *низкая степень формализации интеграционных процессов*, обусловленная широким разнообразием входящих в регион государств, а также наличием специфических проблем, вызванных непреодоленным историческим наследием второй мировой войны и рядом других причин. Сложившуюся модель восточноазиатского регионализма²² можно охарактеризовать, как *мягкий интеграционный проект*, направленный, преимущественно на укрепление финансового взаимодействия и создание ЗСТ. Под «мягкостью» понимается то, что в обозримой перспективе участники азиатского интеграционного процесса не последуют примеру европейцев, передавших часть государственного суверенитета наднациональным структурам.

Таким образом, азиатский опыт доказывает отсутствие установленных этапов и стандартного процесса интеграции, модели реализации которой широко варьируются.

3 Опыт Восточной Азии подтверждает аргумент институционалистов о том, что наличие уже действующих авторитетных межправительственных организаций повышает вероятность создания новых региональных институтов и снижает издержки при их формировании (на базе АСЕАН были созданы АРФ, АПТ и Саммит Восточной Азии). За последние годы наибольшую эффективность в качестве инструмента для укрепления чувства региональной общности демонстрировали АСЕАН и АПТ - институты, опирающиеся на азиатский формат членства и стремящиеся представлять в международных контактах единую Юго-Восточную и Восточную Азию соответственно. В то же время региональные МПО, исповедующие принципы «пути АСЕАН», имеют ограниченную эффективность как механизмы практического сотрудничества.

Что касается АСЕАН, то, столкнувшись с трудно разрешимыми проблемами социализации новых членов, страны ЮВА приняли меры по повышению уровня институционализации своей базовой МПО. При этом в плюралистических по составу

²² Регионализм во многом связан с процессом создания институтов, но при этом не существует концепции, устанавливающей определенную планку по форме или уровню институционализации, для того, чтобы считаться «правильным» (истинным) регионом.

институтах (АТЭС, АРФ, АПТ) государства ЮВА блокируют возможности формализации сотрудничества, опасаясь доминирования в них великих держав. В вопросе приема новых членов азиатские институты также демонстрируют дифференцированный подход. Так, во второй половине 90-х ускоренный прием в состав АСЕАН четырех новых членов из бывшего социалистического лагеря (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа) был организован, в отличие от опыта ЕС, без выполнения каких-то предварительных условий. Приему же в члены Саммита Восточной Азии предшествует выполнение ряда условий, оценка соответствия которым во многом носит субъективный характер.

4. Ведущим сторонником закрытой формы регионализма в формате АПТ стал Китай, существенно усиливший политическое и экономическое присутствие в регионе. В настоящее время взаимодействие между АСЕАН и Китаем является ключевой осью восточноазиатского регионализма, по сравнению с которой оценивается состояние отношений АСЕАН с Японией и РК. Япония предпочитает открытую модель регионализма, способную обеспечить интересы США и дружественных им государств. В качестве основного механизма в этих целях Токио использует Саммит Восточной Азии. Таким образом, Токио предложил собственную модель, отличную от предлагаемой Пекином, и в этом заложена интрига будущих столкновений по их реализации. Вместе с тем, ни США, ни Япония не заинтересованы в изоляции Китая, напротив, они стремятся и дальше вовлекать его в диалог по вопросам сотрудничества в безопасности и экономике, одновременно не отказываясь от политики стратегического сдерживания.

До настоящего времени странам ЮВА удавалось сохранять, по крайней мере, видимость лидерства в региональных организациях, сформированных на базе АСЕАН. Так, в 1997 г. и 2005 г. они предприняли успешные попытки сдержать чрезмерное, с их точки зрения, усиление Японии и Китая соответственно, что подтверждает верность концепции А. Богатурова о том, что для Восточной Азии характерна преимущественно «пространственная» структура отношений, когда высокая «плотность» регионального пространства позволяет средним и малым странам АСЕАН сдерживать региональных лидеров.²³ В то же время столь важная для сохранения международного престижа задача усидеть в «водительском кресле» при построении новой архитектуры Восточной Азии становится для стран АСЕАН трудноразрешимой. Более естественной для них будет роль своеобразного «центра «тяжести» регионализма, балансирующего интересы КНР и США в области безопасности, и КНР и Японии в финансово-экономической сфере.

²³ Богатуров А. Д. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. – М.: НОФМО, 2002. С. 273.

5 Среди внешних акторов и периферийных участников восточноазиатского регионализма особую значимость имеют США и Индия соответственно Недостаточное внимание США к Восточной Азии в целом и к многостороннему сотрудничеству в АТЭС и АРФ в частности способствовало укреплению позиций более компактного видения региона При этом Вашингтон активно участвует в Шестисторонних переговорах по проблемам безопасности Корейского полуострова, прорабатывает возможности трансформации “расширенных” двусторонних отношений с Японией и Австралией, а также с Японией и РК, в различные модели трехсторонней системы безопасности

Новым важным фактором стал выход на восточноазиатское геополитическое и геоэкономическое пространство Индии Начиная с 90-х годов, Дели активизировал взаимодействие со странами АСЕАН в развитии торговли, инвестиций, науки, технологий, и ведет подготовку с ними соглашения о создании ЗСТ Лоббирование со стороны членов этой МПО способствовало включению Индии в состав АСЕМ и Саммита Восточной Азии В то же время этот курс будет встречать противодействие Китая, стремящегося не допустить усиления индийского влияния в ЮВА

6 Вклад участников гражданского общества в развитие регионализации был не столь существенен, как ТНК, но их воздействие на становление региональной идентичности имело принципиальное значение Опыт СВА показал, что без поддержки правительств внутригосударственные регионы не способны добиться качественного повышения уровня международного сотрудничества Его налаживание более продуктивно, когда интересы правительств и международных неправительственных организаций (МНПО) совпадают Так, получив поддержку правительств, природоохранные МНПО стран Восточной Азии по численности и эффективности превосходили неправительственные организации в других сферах деятельности Несколько удавшихся проектов объединения в единую сеть интеллектуальных ресурсов государств АПТ стало важным шагом на пути выработки идентичности Восточной Азии При этом представители экспертного сообщества воздействовали на направления развития регионализма через представление правительственным акторам политических рекомендаций

7 Восточная Азия соответствует большинству признаков «региональности» Регион имеет *подвижную границу*, устанавливаемую операционной зоной заключённых и обсуждаемых соглашений о сотрудничестве, в первую очередь, в финансовой и торгово-экономической сферах Определение ключевого региона как включающего 13 государств АПТ является доминирующим, но оспаривается рядом концепций более широкой географической трактовки Для региона характерна *полюсдерная структура*, в которой

двумя основными ядрами выступают Китай и Япония. Важную роль играет ещё один, хотя и до некоторой степени формальный, центр влияния, состоящий из нескольких ведущих стран ЮВА (Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд), которые активно продвигают интеграционные процессы в рамках АСЕАН и других институтов, балансируя противоречия, возникающие между лидерами К внутренней периферии Восточной Азии следует отнести экономически отсталые бывшие социалистические страны (Лаос, Камбоджа, Мьянма), а к внешней - Индию, Австралию, Новую Зеландию, Пакистан, Монголию, Россию, КНДР, Восточный Тимор и, возможно, другие государства. Влиятельным внешним политическим и экономическим актором остаются США.

Лидирующие позиции в экономической интеграции продолжает удерживать финансовая сфера, особенно с учётом того, что весной 2009 г. на фоне углубляющегося мирового экономического кризиса страны Восточной Азии достигли соглашения о создании крупнейшего в мире регионального валютного фонда объемом \$120 млрд для оказания экстренной помощи странам региона. Важным этапом на пути к институционально-правовому оформлению торгово-экономической интеграции (хотя и не в масштабе всего региона) будут 2010-2012 гг., когда вступят в силу соглашения о ЗСТ между странами АСЕАН, в большинстве форматов «АСЕАН плюс», а также обязательства развитых стран – членов АТЭС по либерализации торговли.

Слабо интегрированная институциональная среда системы безопасности, которую формируют военные контакты между странами, американские двусторонние союзы, а также многосторонние межправительственные диалоговые механизмы, несет черты, как комплексной взаимозависимости, так и классических принципов неореализма. Остающиеся неразрешёнными межкорейская и территориальные проблемы, противоречия между Японией и Китаем чреваты обострениями политической обстановки и тормозят интеграционные процессы. В силу этих ограничений, а также наличия американских двусторонних союзов, создание *сообщества безопасности в масштабе Восточной Азии в настоящее время не возможно*. В то же время существенно выросли роль и активность в многосторонних межправительственных механизмах (АРФ, ШОС, Шестисторонние переговоры) Китая, без учета интересов которого не может быть решена ни одна региональная проблема. В этой связи в перспективе следует ожидать усиления влияния действующих региональных институтов (АРФ) и, возможно, появления новых (например, на основе механизма Шестисторонних переговоров).

Ситуация в сфере морально-политических и культурных ценностей в регионе остается противоречивой. С одной стороны, по-прежнему сильны приверженность принципам конфуционизма и предрасположенность к авторитарной форме

государственного управления С другой – исключительно «азиатские ценности» разделяются не всеми странами В предстоящем поиске компромиссной модели должны помочь действующие в регионе сети сотрудничества Его формализация еще не велика, но постепенно этот уровень повышается, и региональная архитектура становится более комплексной Уже сегодня *государства региона способны выступать на международной арене сплоченной группой* и едины в стремлении строить ВАС на основе экономической интеграции Таким образом, хотя и с некоторыми допущениями, следует признать Восточную Азию в качестве самостоятельного международно-политического региона

8 Начавшийся в 2008 г мировой экономический кризис, как и азиатский кризис 1997 г, будет способствовать усилению влияния закрытой модели регионализма В целом, будущая модель региона ближе к НАФТА, чем к ЕС, и нет оснований ожидать создания в Восточной Азии наднациональных институтов даже в отдалённой перспективе В ближайшие 10-15 лет продолжится формирование интеграционной модели, базирующейся на развитии экономического сотрудничества. На этот период теория «гибридного» регионализма («концерта» с элементами противоборства между США, Японией и Китаем) является одним из самых вероятных сценариев развития событий, при котором институты открытого регионализма (АТЭС и/или Саммит Восточной Азии) и закрытого формата (АПТ) могут развиваться параллельными курсами В более отдалённой перспективе следует ожидать некоторого снижения роли США в системе безопасности Восточной Азии и перехода к доминированию Китая в экономической сфере Возможность всеобщего признания Пекина в качестве регионального лидера во многом будет обусловлена тем, сможет ли следующее поколение руководителей страны начать реформу политической системы и построение демократии «с китайской спецификой»

9 С середины 90-х российская политика в АТР стала более динамичной Москва стала членом всех значимых межправительственных институтов на трансрегиональном и субрегиональном уровнях, и важно продолжать активно работать в этих форматах Наиболее эффективным способом для получения Россией членства в Саммите Восточной Азии является сочетание функционального и геополитического подходов, то есть на основе расширения экономического сотрудничества (в том числе путём участия в многосторонних проектах развития инфраструктуры как символов регионализма) со странами СВА и выстраивания более сбалансированных политико-экономических отношений с ведущими государствами Восточной Азии

Недавние решения о проведении в 2012 г саммита АТЭС во Владивостоке и о взятии на себя в рамках Шестисторонних переговоров существенных финансовых и других обязательств по поддержке КНДР свидетельствуют о том, что экономическое

направление регионализма начинает постепенно сокращать разрыв с долгое время превалировавший в российских подходах к региону проблематикой обеспечения стратегического баланса силы. Без выхода на лидирующую роль правительства РФ, неправительственные участники не способны обеспечить подключение страны к процессам регионального сотрудничества. Нужна комплексная долговременная Азиатская стратегия России, в которой в качестве одного из ключевых компонентов необходимо предусмотреть расширение взаимовыгодного взаимодействия Восточной Сибири и Дальнего Востока с быстро формирующимся восточноазиатским экономическим пространством. Это позволит постепенно снять две важнейшие для нашего государства угрозы в регионе: продолжающийся отток населения и недополученная выгода от неучастия в интеграционных процессах.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В работе автор сосредоточился на анализе моделей регионализма и регионализации Восточной Азии, что позволило сформулировать ряд принципиальных особенностей азиатской интеграции. Результаты исследования, демонстрирующие что нового, по сравнению с европейским опытом, азиатская интеграция внесла в её общую теорию, составили основную теоретическую ценность работы. Основные выводы и базовые результаты исследования могут быть использованы представителями политического руководства, бизнес-сообщества и научной общественности России для оценки перспектив развития азиатской интеграции и выработки путей более эффективного взаимодействия Дальнего Востока и Восточной Сибири со странами региона. Кроме того, эти материалы уже используются автором в учебном процессе для преподавания дисциплин, посвященных изучению институтов международного сотрудничества АТР.

Апробация результатов работы. Научные результаты исследования отражены в двух личных и пяти коллективных монографиях, а также в 28 научных статьях, опубликованных в России и за рубежом. Общий объем работ, написанных по теме диссертации лично автором, составляет более 60 п.л. Основные положения диссертации в течение нескольких лет использовались автором в учебном процессе, в том числе во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса при чтении курса «Международные организации экономического и политического сотрудничества» и в Университете Лунсвиля, штат Кентукки, США при чтении курса «Международные отношения в США» (в рамках программы Фулбрайта в 2006-2007 учебном году), а также в ходе лекций и семинаров в ряде университетов и исследовательских центров РФ, США, Японии и РК.

Результаты исследований докладывались автором на научных конференциях и

симпозиумах. Участие в них позволило диссертанту ознакомиться со своими наработками российских и иностранных экспертов и учесть в работе их конструктивную критику. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы, детерминированная целью и задачами исследования, состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы объект, предмет, цели и задачи работы, охарактеризована степень научной разработанности проблемы, раскрыты теоретико-методологические основы, эмпирическая база, показаны научная новизна и практическая значимость исследования, а также апробация его результатов.

Первая глава посвящена теоретико-методологическому анализу исследуемых проблем. Диссертант начинает их обзор с оценки глобализации как важнейшего тренда современного мирового развития. С конца 90-х годов прошлого века в работах ряда исследователей выделяются три подхода к теории глобализации, в том числе классический, «скептический» и трансформаторский. К представителям классического относят К. Омае, Д. Томлинсона и других исследователей.²⁴ Сдержанное отношение к глобализации отражено в работах сторонников «скептического», подхода, в первую очередь, П. Хирста и Г. Томпсона.²⁵ Наконец, существует так называемый трансформаторский подход, к сторонникам которого относят Д. Хелда, Д. Розенау и других.²⁶ Последние считают, что глобализация не является предопределенным процессом, развиваясь во времени и пространстве неравномерно, что может привести к доминированию различных систем управления. При этом Хелд настаивает на том, что мировое сообщество в условиях глобализации неминуемо движется к глобальной демократии. Сопоставление этого дискурса с проблематикой формирования моделей регионализма АТР и Восточной Азии позволило автору выдвинуть гипотезу о том, что особенности этих моделей определяются динамикой развития глобализации и изменениями в системе международных экономических отношений.

Особый интерес для целей исследования представили ведущие теории неолиберализма комплексной взаимозависимости и институционализма. В соответствии с первой из них, к государствам в качестве субъектов международных отношений

²⁴ Tomlinson J. Globalization and Culture - Cambridge Polity Press, 1999.

²⁵ Hirst P., Thompson G. Globalization in Question - Cambridge Polity Press, 1996.

²⁶ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations - Cambridge Polity Press, 1999, Rosenau J. Along the Domestic - Foreign Frontiers - Cambridge Cambridge University Press, 1997.

присоединяются ГНК, МПО, МНПО, общественные движения. Дальнейшее развитие эти идеи получили в теории институционализма, предложившей государствам международные институты в качестве инструмента для эффективного решения проблем коллективных действий. Оценка эффективности институтов и возможностей их влияния на политику государств – главное направление исследований этой школы. В то же время это не единственный вариант оценки акторности МПО. Сторонники рефлексивизма оценивают ее с двух точек зрения: регулятивной и конститутивной. В целом, рационалистский и рефлексивистский подходы не противоречат друг другу, и были использованы автором для изучения различных аспектов деятельности МПО.

С точки зрения конструктивистов, проблемы и перспективы развития международных отношений определяются нормами и установками, которыми руководствуются политические элиты. Ключевой вопрос для сторонников критицизма – выяснить, как взаимодействия социальных сил могут влиять на модели поведения государств. Теоретический инструментарий первой теории был использован диссертантом для оценки идентичности формирующихся регионов, а второй – для построения перспективных моделей регионального порядка.

Появление в середине 90-х концепции «нового регионализма» было вызвано неспособностью классической теории интеграции объяснить процессы сотрудничества за пределами Европы. Стала очевидной необходимость децентрализации предмета исследований за счет подключения периферийных регионов, где проживает большинство населения планеты. В ТМО сторонники «нового регионализма» не принимают стандартные подходы рационалистов к объяснению мировой политики, находя их проевропейскими и сфокусированными на центральной системе. Теоретические подходы этой концепции характеризуются усилением внимания к региональной идентичности, поиском ответов на изменения в мировой экономике, активным участием неправительственных акторов, а также многомерностью и комплексным характером.

В работе диссертант рассмотрел основные положения теоретического дискурса, ведущегося в рамках «нового регионализма». Принципиальным является то, какой подход выбирает исследователь для определения региона. Важной нормой является установление различия между регионализмом и регионализацией.

У исследователей сложились различные подходы к концепции «регионов» от четко очерченных географически – до объединяемых по принципу наличия общих интересов в какой-то сфере сотрудничества. По мнению рационалистов, регион предопределен заранее и не меняется с течением времени. По мнению рефлексивистов, которое разделяет автор, не существует «естественных» регионов, а их определение

варьируется в зависимости от изучаемого вопроса. Таким образом, регионы являются функцией теоретических идей и создаются для достижения политических целей. При этом формальную институционализацию регионального сотрудничества рефлексивисты, как и рационалисты, считают важнейшим достижением, так как «все регионы конструируются социально, и поэтому политически могут быть оспорены»²⁷

Регионализм рассматривается автором как целенаправленная политика государств по осуществлению, преимущественно, политического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. Регионализм отличается тремя особенностями: направляется сверху вниз, как правило, касается регионов, границы и членство в которых зафиксированы межправительственными соглашениями, предполагает наличие структур, основными участниками которых являются правительства или их представители. В то время как регионализм определяет видение и цели регионального проекта, регионализация характеризует процессы, посредством которых они достигаются. При этом «процесс регионализации наполняет регион содержанием экономической взаимозависимостью, институциональными связями, политическим доверием, и культурной принадлежностью»²⁸

Не все иницируемые государствами региональные проекты способствовали регионализации, и в этой ситуации ключевая задача - выяснить причины того, почему в одних случаях регионализация ведёт к регионализму или наоборот, а в других – нет. Для её решения используется концепция «региональности», позволяющая определить ситуацию, когда регионализация продвигается настолько далеко, что можно говорить о формировании некоторых черт, присущих подлинным регионам. Один из основоположников «нового регионализма» Б. Хеттне определил «региональность», как производную, отражающую уровни регионализации, достигнутые в региональном пространстве, сотрудничестве и идентичности, и сформулировал пять основных признаков, которым должны отвечать подлинные регионы (наличие границы и структуры, развитое институциональное сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах, наличие регионального сообщества безопасности, общие моральные и культурные ценности, способность выступать в качестве субъекта, обладающего четкой идентичностью и структурой для принятия общих решений)²⁹

²⁷ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995, vol. 21, #4. P. 331-358.

²⁸ Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review. 2003, Vol. 5, #1. P. 39.

²⁹ Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalism and The New Regionalism: The Second Great Transformation. In eds by Hettne B., Inotai A., Sunkel O. The New Regionalism and the Future of Security and Development. - NY: St Martin's Press, 1999.

Идентичность регионов существует в сознании людей, а её источники ищут в растущем экономическом взаимодействии, культурной близости, общности истории, религий, языков и т.д. В обществе должны присутствовать исторические и современные символы, которые разделяет население стран региона, а придание процессам сближения непрерывного характера обеспечивается через их повторение и стандартизацию в рамках региональных организаций. Несмотря на важность, которую общая идентичность и институционализация сотрудничества играют в формировании региона, их недостаточно для создания сообщества безопасности. Этому должно предшествовать выполнение таких предварительных условий, как позитивные экономические изменения и снижение уровня внешних и внутренних угроз, а также кропотливая работа между правительствами, в рамках МПО и социальное обучение. То есть нельзя ожидать появления сообществ безопасности только под воздействием когнитивных и институциональных факторов.

Вторая глава посвящена характеристике Восточной Азии как международно-политического региона. В исследовании процессов его формирования автор опирался на исторический, геополитический, экономический и другие подходы. Со второй половины и до девяностых годов XX века США и ЮВА рассматривались как отдельные регионы, и соединение их в единое целое представляется значительным концептуальным и политическим шагом. Тем не менее, история знает один длительный прецедент и несколько более кратких по времени попыток реализовать планы регионализма Восточной Азии. Достаточно стабильный китаецентричный порядок в регионе, который теперь принято считать Восточной Азией, просуществовал в течение нескольких тысячелетий, и был прерван лишь в середине XIX века интервенцией со стороны западных государств. При этом Китай не распался подобно другим империям, а, напротив, стал самым населённым государством на планете, располагающим многомиллионной диаспорой во многих регионах мира. Этот исторический факт придаёт чувство определённой легитимности месту Пекина в центре регионального порядка Восточной Азии.

В свою очередь, в 30-е и 40-е годы прошлого столетия Япония предприняла неудачную попытку построения так называемой «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания». Как следствие этого и других исторических событий, существует устойчивое напряжение во взаимоотношениях Японии со странами региона, которое препятствует интеграционным планам. Наконец, не оценив влияния колониального периода на такие страны, как, например, Индонезия, Малайзия или Филиппины, нельзя адекватно объяснить разрыв в уровнях развития, сложившийся между

странами СВА и ЮВА. Таким образом, прошлые исторические события продолжают влиять на формирование отношений как внутри региона, так и между Восточной Азией и остальным миром, и позволяют понять, почему процессы сотрудничества в регионе начались столь поздно и развиваются сравнительно медленно.

Несмотря на то, что наиболее сильной в военном отношении державой в регионе являются США, эпицентром проблем безопасности в нем является Китай, для которого базовым понятием является азиатский регион, а не АТР, который применим для изучения экономических связей, но не подходит для исследования безопасности. В этом контексте представляется верной идея А. Воскресенского, который, конструируя регион на универсальной геополитической и геоэкономической основе, полагает, что такие встречные потоки мировых тенденций, как укрепление влияния Китая на его западных границах, включение Китая и Японии в интеграционные процессы со странами АСЕАН, усиление экономических и военно-политических позиций Индии, активизация США в Центральной Азии, «стягивают» воедино четыре «старых» региона – Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, что способствует формированию на обширном пространстве Восточной Евразии нового геополитического регионального комплекса – Большой Восточной Азии.³⁰

Для целей же нашего исследования важен тот факт, что при наложении друг на друга двух трансрегиональных пространств (экономического - АТР и безопасности – Азии) Восточная Азия является единственным регионом, который входит в оба из них, и, таким образом, является эпицентром политических и экономических процессов. Повышение роли Восточной Азии в мировой политике и выделение ее в самостоятельный международно-политический регион во многом обусловлено динамичным экономическим развитием и значительным повышением доли стран региона в мировом ВВП, которая с 4% в 1960 г. выросла к 2007 г. до примерно четверти. В этой связи важно определить, какое количество уровней интеграции точнее характеризует тенденции развития АТР за последние десять-пятнадцать лет: традиционные три³¹ трансрегиональный, субрегиональный и естественных экономических территорий, или четыре. По мнению автора, достаточно оснований, подтверждающих формирование еще одного, истинно регионального уровня - Восточной Азии, занявшего место между трансрегиональным (АТР) и субрегиональными (ЮВА и СВА) уровнями.

³⁰ Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке - М: Аспект Пресс, 2007. С. 35.

³¹ Отражает точку зрения многих российских экспертов по АТР. См., например, Кузнецова Н. В. Особенности экономической регионализации в АТР // Материалы международной конференции Владивосток ВГУЭС, 2001. С. 30.

В то же время для Восточной Азии характерно широкое разнообразие населяющих её государств, которые отличаются основными религиями, формами государственного управления, уровнем благосостояния населения, демографическими характеристиками, подходами к оценке исторических событий и т.д. По оценке автора, выше перечисленные различия, а также широкий спектр японо-китайских противоречий, нерешённые межкорейская и территориальные проблемы, присутствие глобального внешнего актора (США) являются серьёзными факторами, препятствующими быстрому развитию интеграционных процессов в рамках Восточной Азии.

Тем не менее, существуют и противоположные оценки. Например, Р. Стаббс полагает, что АПТ вырастет в ведущую МПО Восточной Азии. Этому способствуют общие цивилизационный и исторический опыт стран региона, культурная близость и др. При этом схожие подходы к экономическому развитию, пересекающиеся инвестиционные потоки, увеличивающаяся доля внутрирегиональной торговли в течение нескольких десятилетий способствовали регионализации Восточной Азии. Не менее важно, что регулярные встречи политических лидеров помогли формированию чувства общего предназначения. В результате эти тенденции привели к тому, что идея «Восточной Азии» глубоко укоренилась в мышлении и диалоге политических лидеров региона.³²

Что касается лидеров интеграции Восточной Азии (государства и частные корпорации), то оценки их вклада в эти процессы разнятся. Политологи чаще полагают, что ведущую роль играют государства, важнейшим вкладом которых в развитие регионализма является подписание и выполнение межправительственных соглашений, а также создание региональных организаций, выражающих амбиции государственных лидеров. Хотя уровень институционализации межгосударственного сотрудничества в Восточной Азии существенно отстаёт от европейского, за последние 15 лет число МПО в регионе значительно выросло. По выражению П. Эванса, «миска с лапшой азиатского регионализма» не такая густая, как её визави (тарелка со спагетти) в Европе, но с завершением «холодной войны» она быстро заполняется».³³

В то же время результаты исследования свидетельствуют, что не такие МПО, как АСЕАН или АТЭС, а вызванная деятельностью частного бизнеса экономическая регионализация в наибольшей степени способствовала эффективному развитию региональной экономики. Важнейшим актором интеграции Восточной Азии являются частные корпорации и финансовые институты. При этом в выстраивании экономической

³² Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // Asian Survey # 42 (3), 2002. P. 440-455.

³³ Evans P. Nascent Asian Regionalism and Its Implications for Canada // Paper prepared for the Asia Pacific Foundation of Canada's Roundtable on the foreign Policy Dialog and Canada-Asia Relations - March 27, 2003.

стратегии ТНК исходят из инвестиционной привлекательности ведения бизнеса за рубежом, возможности рационализации производства и максимизации прибыли, а не от того, насколько региональное сотрудничество развито на официальном уровне

Третьим участником интеграционных процессов являются объединяемые под общим названием гражданского общества различные МНПО, общественные движения и др. Как правило, они нацелены на решение конкретных трансграничных проблем, таких, как защита окружающей среды, охрана природных ресурсов, борьба с нелегальной миграцией, организованной преступностью, медицинскими пандемиями и т.д. Создавая трансграничные коалиции для решения специфических задач, МНПО вносят свой вклад в формирование идентичности Восточной Азии

Третью главу автор начинает с анализа политико-экономического контекста субрегионального (ЮВА и СВА) и трансрегионального (АТР) регионализма, без чего нельзя полноценно рассмотреть интеграционные процессы Восточной Азии. Чтобы выяснить, заинтересовано ли государство в создании нового института, надо понять, как оно оценивает деятельность уже действующих организаций. Так, признание низкой неэффективности АТЭС и АСЕАН (первая оказалась слишком велика, а вторая, наоборот, мала) стало одной из причин образования АПТ, размер и состав которой, по замыслу создателей, является оптимальным

Особое внимание автор уделяет Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), ставшей базовой для формирования большинства международных институтов Восточной Азии. За долгие годы деятельности этой МПО был выработан общий набор институциональных норм и идейных принципов, получивший название «путь АСЕАН», который, с одной стороны, способствовал её живучести, а с другой – стал причиной невысокой эффективности. Известный эксперт А. Ачара характеризует «путь АСЕАН» как «процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров, большей значимости процесса по сравнению с результатом»³⁴. Такой формат общения сильно контрастирует с западной моделью, для которой характерны жесткое соперничество и четкая юридическая основа. В принятой модели скорость продвижения МПО в решении задач определяется темпом «последнего верблюда в караване», а основополагающим является принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, исходя из безусловности суверенитета государств

³⁴ Acharya A. Culture, Security, Multilateralism. The “ASEAN Way” and Regional Order. In eds. by K. Krause. Culture and Security. Multilateralism, Arms Control, and Security Building. - London: Frank Cass, 1999. P. 55-84.

Столкнувшись со всплеском насилия в Восточном Тиморе и проблемой социализации новых членов, в первую очередь, Мьянмы, с середины 90-х члены АСЕАН ведут дебаты по поводу целесообразности изменения подходов к этому принципу. Тем не менее, в принятом в 2008 г. Уставе АСЕАН основополагающие принципы невмешательства во внутренние дела стран-членов и принятия решений консенсусом остались неизменными.

При этом страны АСЕАН активно использовали возможности международных институтов для преодоления разрыва по так называемой линии «Север» - «Юг» за счет объединения в региональные союзы с учётом интересов более бедных стран региона. Так, с 1995 по 1999 гг. был организован прием в состав АСЕАН четырех новых членов из бывшего социалистического лагеря. В 1997 г., создав АПТ, страны АСЕАН уже в полном составе объединились с более развитыми Японией, РК и Китаем, что работает на сокращение разрыва между членами АСЕАН и государствами «северной тройки». Чтобы подтянуть страны Индокитая до необходимого экономического уровня, Китай распространил на них действие «программ раннего урожая», оптимизирующих условия экономического сотрудничества, а Сингапур предоставляет им финансовые ресурсы и научно-техническую экспертизу для сокращения так называемого «цифрового разрыва».

Что касается СВА, то политико-экономические условия для полномасштабной экономической интеграции в этом субрегионе отсутствуют, а более реальным представляется основанный на «модульном подходе» процесс сотрудничества в отдельных областях, например, при решении проблем развития энергетики, транспорта, защиты окружающей среды и т.п. За последние 15 лет в СВА образовано значительное число международных институтов, как в области экономического сотрудничества, так и в сфере безопасности, однако только два получили статус МПО. Программа развития района реки Туманной («Туманган») и Организация развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО). В работе подробно освещена их деятельность, что позволило охарактеризовать противоречия, с которыми сталкиваются ведущие государства, в первую очередь, Китай и Япония, при организации регионального сотрудничества.

Научный интерес к «Тумангану» вызван тем, что он является единственным в СВА примером межправительственного сотрудничества, осуществляемого Программой развития ООН и странами СВА на основе принципа развития «естественной экономической территории». Опыт «Тумангана» продемонстрировал, что для успешного развития программа многостороннего сотрудничества в СВА должна, как минимум, отвечать двум требованиям: управляться межправительственным, а не наднациональным органом и являться приоритетом для стран-участниц. Серьезным институциональным

препятствием на первом этапе Программы была проблема несправедливого распределения результатов от сотрудничества, когда большинство предлагавшихся проектов учитывало, в первую очередь, интересы КНР. Активные усилия России, КНДР и РК привели к изменению направлений развития и расширению географических рамок Программы. В 2005 г. (в канун десятилетия со дня основания) МПО было переименована в «Расширенную Туманганскую Инициативу» (РТИ), что официально закрепило произошедшие концептуальные изменения.

В свою очередь, КЕДО представляет собой незавершенную модель институционализации многостороннего сотрудничества, построенной с использованием модульного подхода. Важным институциональным недостатком КЕДО было неучастие в ней двух влиятельных государств региона – России и Китая. Оценивая деятельность КЕДО в целом, следует отметить, что сам факт её деятельности подтвердил позитивный потенциал многосторонних институтов в регионе. В то же время перед лицом политических и экономических кризисов МПО продемонстрировала ограниченную институциональную живучесть, став заложником межпартийной борьбы в США, что поставило под сомнение эффективность американского лидерства в региональных проектах безопасности в целом и в Восточной Азии в частности.

Некоторые из этих недостатков были учтены в работе межправительственного механизма для обсуждения вопросов безопасности Корейского полуострова – «Четырехстороннего переговорного процесса», в который с 1997 г. входили США, КНР, КНДР и РК. Для повышения эффективности сотрудничества в 2003 г. членство в этой организации было предоставлено Японии и России. Таким образом, с 2003 г. в США действует механизм Шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова, который включает все страны региона (кроме Монголии), и, по сути, стремится к решению тех же задач, которые стояли перед КЕДО. Позитивной стороной этого процесса является конструктивное сотрудничество, которое выработалось в ходе взаимодействия США и КНР, от качества взаимоотношений которых во многом зависит безопасность региона. Активную роль играет и Россия, использующая эту возможность для усиления своих позиций как влиятельного регионального игрока.

Большое внимание в работе уделено изучению институтов открытого азиатско-тихоокеанского регионализма (АТЭС и АРФ). Значительные политические, экономические и культурно-цивилизационные различия, а также географическая удаленность государств серьезно препятствуют развитию процессов экономической интеграции АТР. Несмотря на то, что создание ЗСТ для промышленно развитых стран намечено на 2010 г., а для развивающихся государств – на 2020 г., перспективы

формирования на базе АТЭС полномасштабной интеграционной группировки представляются неопределенными. Во многом это связано с несовпадением приоритетов в развитии МПО, которых придерживаются развитые англо-саксонские и развивающиеся азиатские государства. Первые заинтересованы в быстрой и полной либерализации торговых и финансовых потоков и открытии рынков стран Восточной Азии и настаивают на обязательности принимаемых решений. Вторые отстаивают добровольный характер этого процесса и выдвигают на первый план задачу содействия экономическому и техническому сотрудничеству (ЭКОТЕК).

Открытый регионализм в сфере безопасности подразумевает предоставление не только странам региона, но и государствам, находящимся за его пределами, возможности присоединиться к заключенным членами организации соглашениям и становиться участниками региональных режимов. Становление многосторонних подходов к обеспечению безопасности стало отличительной чертой АТР в 90-е годы, что и нашло выражение в создании в 1994 г. Регионального Форума АСЕАН, в котором внешние акторы получили статус партнеров по диалогу. За 14-летнюю историю АРФ остался консультативным Форумом и не стал организацией, «решающей проблемы». К позитивным результатам можно отнести то, что со времени создания этой МПО в Восточной Азии не произошло ни одного серьезного военного конфликта, а участники реализуют комплекс мер доверия в военной области. С другой стороны, выработка мер превентивной дипломатии застопорилась, а такие важнейшие вопросы, как Тайваньская проблема или безопасность Корейского полуострова на нём не обсуждаются, хотя КНДР является членом АРФ.

Принципиальные различия в подходах к роли АРФ обозначили раскол между двумя группами членов. Так, КНР, РФ и страны АСЕАН предпочитают выработку мер доверия в формате неконфликтного диалога. В то же время США, Япония, Австралия, Канада видят предназначение МПО в выработке мер превентивной дипломатии, а также в обсуждении и решении застарелых проблем традиционной безопасности, что невозможно без повышения уровня институционализации МПО. В целом, в вопросах безопасности АТР и США и Китай по-прежнему отдают предпочтение двусторонним подходам по сравнению с многосторонними.

У истоков идеи регионализма Восточной Азии стоял бывший премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, который в 1991 г. выдвинул идею создания Экономического Совета Восточной Азии» (ЭСВА) в составе стран АСЕАН, Индокитая, Японии, Китая и РК. При этом существенную роль в реализации этого предложения сыграли два внешних актора. Так, в 1991 г. противодействие ему оказали США, заблокировав идею ЭСВА. В то

время Европейский Союз помог в реализации этого проекта, когда в 1996 г был сформирован межрегиональный Форум Европа-Азия (АСЕМ), на заседаниях которого Азию стали представлять страны АСЕАН, Китай, РК и Япония

За прошедший период участники выстроили развернутую сеть диалоговых механизмов для реализации миссии Форума, направленной на укрепление сотрудничества в политической, социально-экономической и культурной сферах. В 2008 г на саммите АСЕМ в Китае Азию официально представляли уже 16 государств – 13 стран АПТ, а также впервые – Индия, Монголия и Пакистан (восточноазиатское видение в этом институте не совпало с моделью, принятой на Саммите Восточной Азии). В целом, межрегиональный Форум АСЕМ, как таковой, не добился чего-то существенного, но оказал долговременный эффект консолидации идеи Восточной Азии как целостного актора.

Хотя и в меньшей степени, становлению восточноазиатской идентичности способствовал еще один межрегиональный институт – Форум сотрудничества между странами Восточной Азии и Латинской Америки (Forum for East Asia Latin America Cooperation – FEALAC). В состав Форума в 2001 г вошли 17 государств Центральной и Южной Америки, а также 15 государств Восточной Азии (13 стран АПТ, Австралия и Новая Зеландия). Его целью является установление более тесных взаимоотношений между двумя регионами в области образования, науки и технологий.

Удобным предлогом для начала реализации странами ЮВА идеи восточноазиатской интеграции стало сделанное в январе 1997 г премьер-министром Японии Хасимото предложение о проведении саммитов АСЕАН – Япония на «обочине» ежегодных саммитов АСЕАН. Лидеры стран АСЕАН приняли его, однако пригласили на инаугурационный саммит в 1997 г не только Японию, но и КНР, и РК, что и привело к формированию АПТ. Основным же катализатором для начала процесса объединения Восточной Азии стал азиатский финансовый кризис 1997 г. Среди его важнейших последствий можно выделить с одной стороны, проявившиеся неспособность ведущих региональных МПО (АТЭС и АСЕАН) предотвратить начало и смягчить последствия кризиса, и нежелание МВФ и США оказать действенную финансовую помощь странам, подвергшимся его воздействию, с другой – рост авторитета Японии, предложившей предоставить им около 80 млрд долл., и Китая, который воздержался от девальвации юаня, что могло еще больше ухудшить финансовое положение стран АСЕАН.

Таким образом, негативные аспекты глобализации стимулировали развитие регионализма. Без мощного воздействия кризиса быстрая институционализация АПТ была маловероятна. Одновременно появление АПТ стало отражением геополитических тенденций развития региона. Странам АСЕАН было важно через экономическое

сотрудничество «втянуть» усиливающийся Китай в диалог в области безопасности, одновременно поддерживая высокий уровень финансово-экономического сотрудничества с Японией. Пекин и Токио, столкнувшись с серьёзными проблемами двусторонних отношений, препятствующими регионализации СВА, в свою очередь, рассматривали страны ЮВА в качестве ресурса для укрепления политического и экономического влияния в формирующемся регионе Восточной Азии.

В то же время роль АПТ как ведущего института развития регионализма Восточной Азии оспаривается Японией и рядом других стран. В 2001 г. была предложена идея создания нового регионального института – Саммита Восточной Азии – с целью постепенного формирования ВАС в составе трех государств СВА и стран АСЕАН. Однако ряд государств опасались усиления Китая и настояли на включении в состав Саммита Восточной Азии, помимо 13 государств АПТ, Индии, Австралии и Новой Зеландии. В результате в 2005 г. в его состав вошли эти 16 государств, что стало дипломатической победой Японии, действовавшей с учётом интересов США в регионе.

Приоритетными направлениями регионализма в Восточной Азии стали финансовое и торгово-экономическое. Для их реализации страны АПТ приступили к формированию сети торговых и финансовых режимов. В экономической сфере распространение получили региональные, субрегиональные и двусторонние соглашения о свободной торговле товарами и услугами. Главной предпосылкой для создания ЗСТ Восточной Азии является интеграция экономик Китая, Японии и РК, однако при отсутствии внутреннего согласия между ними основная ставка сделана на заключение АСЕАН соглашений о ЗСТ с партнёрами из СВА (Китай, Япония, РК) в формате «АСЕАН плюс Один». В финансовой области была выдвинута несколько инициатив, направленных на поддержание стабильности региональной финансовой и валютной системы. При этом практика заключения двусторонних «соглашений СВОП»³⁵ в 2000 г. была поднята на многосторонний уровень в рамках «Чангмайской инициативы».

Результаты исследования свидетельствуют о том, что интеграционные траектории в двух субрегионах Восточной Азии существенно разнятся. Процессы интеграции в Северо-Восточной Азии в их классическом понимании и с полным составом возможных участников (шесть государств) в настоящее время отсутствуют, хотя растёт интерес к взаимодействию в формате так называемой «северной тройки» (КНР, Япония, РК). Среди

³⁵ В соответствии с его условиями центробанк страны, оказавшейся в кризисе, может обменять в центробанке другой страны – участницы соглашения свою национальную валюту на доллары США с обязательством её обратного выкупа через определённый период времени.

действующих многосторонних институтов СВА можно выделить два в области безопасности – Шестисторонние переговоры по безопасности Корейского полуострова, а в сфере экономики – Расширенная Туманганская инициатива. При этом первый представляет собой лишь переговорный механизм, а не МПО, а для второго характерна проблема неполного членства и слабый интерес со стороны правительств. Лидером в развитии многостороннего сотрудничества в СВА, как в экономике (РТИ), так и до некоторой степени в безопасности (Шестисторонние переговоры), стал Китай. Стремясь к усилению влияния в этих институтах, он на постоянной основе разместил их Секретариаты в Пекине, взяв на себя основное бремя финансовых расходов по обеспечению их деятельности.

В свою очередь, Юго-Восточная Азия является в регионе лидером в развитии интеграции. В 2002 г. была образована ЗСТ с участием шести стран-основателей АСЕАН, а на 2010 г. планируется создание географически полноценной ЗСТ, включающей новые страны-члены МПО. На 2015 г. страны ЮВА поставили перед собой амбициозную задачу построения сообщества АСЕАН, состоящего из трёх основных компонентов (экономического, безопасности и социокультурного).

Четвертая глава посвящена исследованию того, как воздействие частного бизнеса и других неправительственных акторов повлияло на становление Восточной Азии в качестве международно-политического региона. С середины 80-х до середины 90-х разработанная японским ученым К. Акамацу теория «стаи летящих гусей» выглядела для стран Восточной Азии привлекательной и реплицируемой, однако произошедшие крупные геополитические и геоэкономические изменения подорвали доверие к ней как модели дальнейшего развития. В начале XXI века на смену этой теории приходит новая модель, когда в Восточной Азии конкурируют и взаимодействуют две региональные производственные сети – японская и «Большого Китая».

Сравнение данных о двух основных торгово-инвестиционных коридорах японских ТНК с составом участников АПТ позволило автору обосновать тезис о том, что географическое распространение ПИИ и производственных сетей сформировало границы Восточной Азии. Меняющийся характер деятельности производственных сетей, в свою очередь, повлиял на функциональные направления регионализма. Так, основные объемы ПИИ японских ТНК в 80-е годы концентрировались в производственном и коммерческом секторах. Следствием этого был значительный интерес частного бизнеса в создании межправительственных механизмов сотрудничества в области торговли товарами и услугами, что и материализовалось в 1989 г. в создании форума АТЭС. В 1997 г. региональные производственные сети испытали негативное воздействие азиатского

кризиса, что показало необходимость институционализации монетарного сотрудничества, что и стало ключевым направлением деятельности созданной в этом же году АПТ

Ключевым термином для характеристики современных процессов регионализации Восточной Азии является «гибридизация», когда реализуемые ТНК бизнес-модели уже не являются национальными в чистом виде, а объединяют их лучшие качества, в том числе за счет создания партнерств между фирмами разных стран

Если характеризовать «глубину» экономической интеграции, то её начальная фаза – *накопление интеграционных признаков* – восходит к середине 80-х годов, когда японские корпорации и банки возглавили процесс регионального развития производства, инвестиций и торговли, разместив производственные объекты и ПИИ первоначально в СВА (РК и Тайвань), а затем и в странах ЮВА. В конце 90-х усилилась тенденция к формированию экономической интеграционной группировки в Восточной Азии, у участников которой темпы роста внутрирегиональной торговли и инвестиций превысили соответствующие показатели для их связей с США. Так, за 30 лет (с 1970 г. по 2000 г.) внутриазиатский экспорт вырос с 30% до 47%, а внутриазиатский импорт – с 30% до 53%. Переход количественных изменений в качественные и появление первых признаков начала регионального интеграционного процесса были отмечены на рубеже двух веков, когда в 2000 г. было достигнуто соглашение о реализации Чангмайской инициативы, а Китай предложил странам АСЕАН создать ЗСТ. То есть началась реализация инициатив, призванных сформировать новые межгосударственные региональные механизмы, ранее не свойственные ни одному из интегрирующихся элементов.

Одной из причин того, что лидеры стран СВА обратились для налаживания регионального сотрудничества к странам АСЕАН, стало то, что у них не получалось сделать это в собственном субрегионе. В 90-е годы инициативу по развитию международного сотрудничества в СВА пытались взять на себя внутригосударственные регионы, и к середине 90-х годов институционализация сотрудничества между ними обеспечила развитие торговых отношений, технических, образовательных и культурных обменов. В то же время диссертант не разделяет оптимизма ряда ученых и политиков, оценивших лидерство местных властей как символ новой экономической эпохи³⁶, так как результаты исследования продемонстрировали ограниченные возможности внутригосударственных регионов играть эту роль и их неспособность добиться качественного повышения уровня межгосударственных отношений в условиях того, что

³⁶ Ишаев В. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект – Владивосток, 1999. С. 88

решение многих проблем сотрудничества находилось вне их компетенции

Среди многообразия МНПО главное внимание в работе уделено изучению деятельности экспертных сообществ, внесших важный вклад в формирование региональной идентичности Северо-Восточной и Восточной Азии. За прошедшее двадцать лет Японией, США, РК было осуществлено несколько попыток создания консорциума исследовательских институтов СВА. Более эффективными эти усилия оказались в сфере экономических исследований, авторитетными центрами которых стали две МНПО: Экономический форум СВА (Гонолулу, США) и Экономическая конференция СВА (Ниигата, Япония). При этом предложенные ими многосторонние проекты сотрудничества, основанные на совместном использовании природных и производственных ресурсов региона, позволили, с одной стороны, привлечь внимание к его социально-экономическим проблемам и предложить меры для их решения, с другой – внести существенный вклад в формирование чувства региональной общности СВА.

В Восточной Азии также существует значительное число подобных сетей, однако три из них сыграли наибольшую роль в процессе формирования региона: сеть институтов стратегических и международных исследований AI, «Группа мудрецов» Восточной Азии EAVG и сеть исследовательских центров Восточной Азии NEAT (интеллектуальное лидерство в них принадлежало странам АСЕАН, РК и Китаю соответственно). В целом, азиатские МНПО близки к правительствам, которые во многом определяют их повестку. При этом МНПО стремятся оказать влияние на процесс принятия правительственных решений, играя роль советников правительственных организаций, а не бросая им вызов. Состав участников экспертных сообществ характеризуется постоянством и элитарностью. В ходе многолетнего общения, преимущественно, чиновников МИД и учёных из ведущих академических институтов вырабатывается общность взглядов, сближаются оценки по вопросам регионального сотрудничества, когда позиции отдельных экспертов могут отличаться от доминирующих национальных оценок. В то же время диалог в таком формате, хотя до некоторой степени и способствует укреплению межгосударственных отношений, не оказывает существенного влияния на деятельность гражданского общества, деятельность которого могла бы способствовать консолидации региона.

Пятая глава начинается с анализа основных направлений дискурса по проблематике восточноазиатского регионализма, в качестве которых диссертант выделяет следующие: преимущества и негативные последствия от развития регионализма, границы региона Восточной Азии, основные направления и комплексность регионализма, уровень формализации институциональных структур, оценки потенциала лидерства и моделей регионального порядка. Наибольшую теоретическую и практическую значимость

приобрел вопрос о том, какая из стран выйдет на лидирующие позиции в регионализме Восточной Азии. С начала XXI века Пекин задает темп в его продвижении, что поставило на повестку дня фундаментальный вопрос о том, как это повлияет на существующий порядок АТР, поддерживаемый военным присутствием и экономической мощью США в том числе такими межправительственными институтами, как АТЭС и АРФ.

Для ответа на него автор анализирует комбинированный американский подход в отношении Пекина, включающий одновременную реализацию элементов таких концепций, как «сдерживание», «вовлечение», «окружение», «ответственного акционера». Руководство КНР, зная о существующих в экспертном сообществе соседних стран, США и Европы различиях в оценках усиления мощи Китая, выдвинуло в качестве основополагающих концепций такие, как «мирное развитие» и «гармоничное сообщество».

В то же время результаты диссертационного исследования позволяют считать, что роль будущего регионального лидера принадлежит Китаю. В этом свете особый интерес представляют недавние оценки двух авторитетных представителей американского экспертного сообщества, которые отреагировали на нежелание Пекина оставаться ответственным, но рядовым «акционером» и сделали ему недвусмысленное предложение занять ключевое место в совете директоров «компаний» (мирового сообщества), разделив мировое лидерство с Вашингтоном.³⁷ Не менее важна и позиция Китая. Быстрый рост популярности в научном дискурсе концепции «Тянься» (Поднебесной)³⁸ для объяснения китайского видения мирового порядка свидетельствует о том, что в стране сформировался запрос на «китайские решения» мировых проблем. То есть, экспертное сообщество Китая то же отреагировало на произошедшие геополитические перемены, но, в отличие от американцев, оно не понизило, а подняло планку ожиданий лидерства своей страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе, что и обозначило один из важных векторов изменений будущего регионального, а затем и мирового порядков.³⁹

Китай сможет закрепить свою роль доминирующей региональной державы только при условии, что он получит доступ к природным запасам, и, в первую очередь,

³⁷ Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world - Financial Times, 13 January, 2009, Kissinger H. The world must forge a new order or retreat to chaos - Distributed by Tribune Media Services, Inc., 20 January, 2009.

³⁸ Zhao Tingyang Tian xia Tixi Shijie Zhidu Zhesus Daolun [The Tianxia system: A Philosophy for the World Institution] - Nanjin: Jiansu Jiaoyu Chubanshe, 2005.

³⁹ Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности – Владивосток: ВГУЭС, 2009. С. 190.

энергетическим ресурсам, России. В этом контексте укрепление российско-китайского сотрудничества представляет собой существенный вклад нашей страны в обеспечение бескризисного развития Китая и Восточной Азии в целом.

Активное вовлечение Восточной Сибири и Дальнего Востока России в интеграционное пространство Восточной Азии не возможно без качественного увеличения присутствия российского бизнеса на рынках и в экономиках стран АТР. Правительство РФ запланировало на Дальнем Востоке существенные инвестиции в отрасли, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции и переработкой ресурсов. Однако в условиях финансового кризиса иностранные инвестиции в эти сектора экономики будут также необходимы, и, чтобы их получить, требуются энергичные системные усилия. Подготовка к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке создает благоприятный фон для налаживания многоплановой работы по наполнению концепций и заявлений о российских намерениях в регионе реальным содержанием. Необходимо оперативно определиться с российскими приоритетами для совместной работы с членами АТЭС с прицелом на 2012-ый год, которые могли бы, с одной стороны - способствовать улучшению социально-экономического положения населения Дальнего Востока, а с другой – обеспечить внесение Россией весомого вклада в развитие экономического сотрудничества в АТР.

Приоритетных направлений сотрудничества со странами АТЭС необходимо декларировать несколько. Учитывая, что РФ не является членом ВТО, а также социально-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке, в наибольшей степени ее интересам отвечает собственное активное участие и вовлечение партнёров в ЭКОТЕК. В контексте геополитических и экономических реалий СВА тема энергетического сотрудничества для Восточной Сибири и Дальнего Востока является ключевой, как и проекты совместного использования транспортного потенциала РФ. Недавние экологические катастрофы на заводах северо-восточного Китая, последствия которых охватывают всю СВА, свидетельствуют о том, что актуальна тема сотрудничества в таких сферах, как охрана окружающей среды и ресурсосбережение. В последнем случае важной для России темой может стать предложение о расширении взаимодействия в области рыболовства и сохранения морских ресурсов.

Важное перспективное направление – сотрудничество в образовании. В условиях, когда в вузах Владивостока и Хабаровска растет число иностранных, в первую очередь, китайских студентов, существуют отличные возможности для наращивания экспорта российских образовательных услуг в страны АТР. Есть и другие возможности и направления для сотрудничества, актуальность и эффективность которых надо обсуждать.

и оценивать уже сейчас

Что касается восточноазиатского региона, то попытка в 2005 г войти в число стран-основателей ВАС оказалась неудачной, в первую очередь, из-за противодействия Японии и других стран, проводящих проамериканскую политику. Геополитические ресурсы для подключения к восточноазиатскому регионализму с помощью стран ЮВА во многом исчерпаны, и для решения этой задачи России необходимо наращивать экономическое и политическое сотрудничество в СВА. В настоящий момент просматриваются три возможных подхода (или их сочетания) для обоснования членства РФ в Саммите Восточной Азии.

Первый – *географический* (но по сути базирующийся на общности исторического опыта, базовых ценностей и цивилизационной принадлежности). С учетом культурной отчужденности России, он наименее перспективен, и уже дважды не сработал. При образовании АПТ в 1997 г, когда формировалось ядро Восточной Азии, СВА была разрезана на две части, когда по одну сторону оказались быстро развивающиеся Япония, РК и Китай, а по другую – отсталые экономически Дальний Восток России, КНДР и Монголия. В 2005 г образование нового Саммита закрепило эту тенденцию, когда уже периферия Восточной Азии стала наращиваться не за счёт оставшихся стран СВА, а путем включения англосаксонских государств (Австралия и Новая Зеландия), которые ни географически, ни цивилизационно не являются частью региона.

Второй – *функциональный* (исходя из складывающегося баланса, преимущественно, экономических взаимодействий и интересов). В 2005 г ряд участников посчитали, что Россия не может быть принята в члены Саммита Восточной Азии, так как не соответствует одному из критериев членства («наличие развитых отношений с АСЕАН»). Проведенный анализ показал, что нежелание принять РФ в состав форума вызвано не только экономическими причинами. Тем не менее, при формировании ВАС экономический подход наиболее естественен, а эффективными средствами для включения в эти процессы являются многосторонние проекты сотрудничества. В первую очередь, речь идет о развитии инфраструктуры СВА путём строительства энергомоств, нефте- и газопроводов, транспортных магистралей, соединяющих РФ со странами-соседями.

Третий – *геополитический*. Одних позитивных подвижек в развитии экономических связей со странами АСЕАН может оказаться недостаточно. В условиях поляризации стран Восточной Азии по вопросу отношения к роли Вашингтона в регионе, прием РФ в члены Саммита может быть отложен и осуществлён одновременно с предоставлением в нем того или иного статуса США (например, наблюдателя, как

предлагает Япония) При этом отказ от попыток подключения к международным институтам и пассивное участие в процессах восточноазиатской интеграции может привести к тому, что в дальнейшем России будет все труднее доносить собственное видение регионального развития до усиливающих свою сплоченность стран региона

В обозримой перспективе Китай сохранит роль ведущего партнера России в Восточной Азии. В то же время ради интересов РФ он не проявлял готовности рисковать своим стратегическим приоритетом – поддержанием стабильных отношений сотрудничества с США, и в вопросах предоставления РФ членства в новых азиатских институтах готов лишь на присоединение к мнению большинства. В развитии региональных отношений с Москвой Пекин вполне устраивает двусторонний формат, а в СВА он делает упор на развитие многосторонних связей со странами «северной тройки»

Таким образом, хотя существенно возросший уровень двусторонних отношений с Китаем в области экономики и безопасности является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие российского регионализма в АТР, безальтернативная опора на этот фундамент имеет ограничения. При отсутствии функциональной модели перспективного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, эти малонаселенные территории могут превратиться в сырьевой придаток быстро растущей экономики Китая. Чтобы избежать этого негативного сценария, России необходимо диверсифицировать политику на азиатско-тихоокеанском направлении, более активно взаимодействуя с Японией, РК, Индией, США, странами ЮВА в интересах привлечения внешних ресурсов для решения насущных проблем Дальнего Востока страны.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ

ПО ТЕМЕ В ДИССЕРТАЦИИ

Индивидуальные монографии:

- 1 *Севастьянов С.В.* Межправительственные организации Восточной Азии: эволюция, эффективность, российское участие – Владивосток: Дальнаука, 2008 - 17,0 п.л.
- 2 *Севастьянов С.В.* Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности – Владивосток: ВГУЭС, 2009 - 12,3 п.л.

Главы в коллективных монографиях:

- 3 *Севастьянов С.В.* Экспорт и импорт образовательных услуг // Управление современным университетом / Отв. ред. Лазарев Г.И. - Владивосток: ВГУЭС, 2005 - 0,5 п.л. лично
- 4 *Sevastyanov S.* Russian Reforms: Implications for Security Policy in the Russian Far East // *Russia's Far East: A Region at Risk* / Ed. by J. Thornton, C. Ziegler – Seattle: University of Washington Press, 2002 - 1,5 п.л. лично
- 5 *Sevastyanov S.* Chapter on Russia // *Asia Pacific Security Outlook 2004* / Ed. by C. Morrison – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004 - 0,5 п.л. лично

- 6 *Sevast'yanov S* The Russian Far East's Security Perspective Interplay of Internal and External Challenges and Opportunities // *Siberia and the Russian Far East in the 21st Century Partners in the "Community of Asia" / Ed by A Iwashita – Sapporo Slavic Research Center, 2005 - 1,0 п л лично*
- 7 *Sevast'yanov S* Chapter on Russia // *Asia Pacific Security Outlook 2005 / Ed by C Morrison, R Baker – Tokyo Japan Center for International Exchange, 2005 - 0,6 п л лично*

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

- 8 *Груздев А И, Севастьянов С.В.* Международное военно-морское сотрудничество в АТР // *Морской сборник 1999 №5 - 0,5 п.л. (в соавторстве, лично – 0,25 п.л.).*
- 9 *Севастьянов С.В.* Совместные международные программы обучения и экспорт образовательных услуг // *Университетское управление: практика и анализ. 2005. №2. - 0,5 п.л.*
- 10 *Севастьянов С.В.* Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма // *Россия и АТР. 2008 № 3. - 1 п.л.*
- 11 *Севастьянов С.В.* Регионализм Восточной Азии и Россия // *МЭ и МО 2008. № 12. - 0,5 п.л.*
- 12 *Севастьянов С.В.* «Новый регионализм» и роль неправительственных акторов в формировании идентичности Восточной Азии // *Россия и АТР. 2008. № 4. - 0,7 п.л.*
- 13 *Севастьянов С.В.* Форум АТЭС: проблемы эффективности и перспективы развития // *Космополис. 2008 № 3. - 1,0 п.л.*
- 14 *Севастьянов С.В.* «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // *Полис. 2009. № 4. - 1,0 п.л.*

Статьи в научных сборниках и журналах:

- 15 *Севастьянов С В* Тенденции и перспективы развития политической и экономической интеграции в АТР // *Материалы научно-практической конференции «Социально-экономические, правовые и культурные процессы современной цивилизации» Владивосток ВГУЭС, 1999 - 0,25 п л*
- 16 *Севастьянов С В* Анализ российских и китайских подходов к развитию многостороннего экономического сотрудничества в СВА // *Материалы международной научной конференции «Российский Дальний Восток в системе экономических интересов стран-членов АТЭС» Владивосток ДВГУ, 2001 - 0,4 п л*
- 17 *Севастьянов С В* Международные институты и оценка их роли в современных теориях международных отношений // *Материалы международной научной конференции «Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия» Владивосток ВГУЭС, 2001 - 0,5 п л*
- 18 *Севастьянов С В* Меняющаяся конфигурация политико-экономических акторов в АТР // *Материалы международной научно-практической конференции «Перспективы развития российских регионов Дальний Восток и Забайкалье до 2010 г » Хабаровск ИЭИ ДВО РАН, 2002 - 0,3 п л*
- 19 *Севастьянов С В* КЕДО как модель решения региональной политико-экономической проблемы // *Проблемы АТР геополитика, безопасность, сотрудничество Владивосток издательство Штаба ТОФ 2002 № 1 (5) - 0,5 п л*
- 20 *Севастьянов С В* Современные тенденции развития международного сотрудничества в Восточной Азии и новые вызовы российской дипломатии // *Третий Горчаковский Чтения «200 лет МИД России» - М МГИМО, 2002 - 0 5 п л*
- 21 *Севастьянов С В* Стратегия развития Российского Дальнего Востока и её международные аспекты // *Материалы межрегиональной конференции «Стратегия развития Дальнего Востока РФ возможности и перспективы» Хабаровск ИЭИ ДВО РАН, 2003 - 0,8 п л*
- 22 *Севастьянов С В* Модели международного сотрудничества в СВА роль

- неправительственных организации // Материалы международной научно-практической конференции «Неправительственный диалог о территориальных спорах в Азиатско-тихоокеанском регионе» Владивосток Морской госуниверситет, 2003 - 0,5 п л
- 23 *Севастьянов С В* Региональный научный диалог как важный компонент модели многостороннего сотрудничества СВА // Материалы международной конференции «Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты XXI век» Владивосток ДВГУ, 2004 - 0,75 п л
- 24 *Севастьянов С В* Трехсторонние экономические связи России, Северной и Южной Кореи как важный компонент международного сотрудничества в СВА // «Корус Форум» М ИМЭМО РАН 2006 №1 - 2 п л
- 25 *Севастьянов С В* Формирующаяся система Восточной Азии роль и интересы России // Материалы научной конференции «Новые тенденции в развитии международного бизнеса» Владивосток ВГУЭС, 2007 - 1,0 п л
- 26 *Севастьянов С В* Российские взгляды на американо-японский союз безопасности // Материалы научно-практической конференции «Япония шесть десятилетий без права на войну» Владивосток Морской госуниверситет, 2008 - 1 п л
- 27 *Sevastyanov S* Russian Reforms Implications for the Security Policy in the Russian Far East // Seattle National Bureau of Asian Research Analysis 2000, vol 11, # 4 - 1,5 п л
- 28 *Sevastyanov S* The Russian Far East as a Victim of Wild Market Reforms, and New Regional Development Cooperative Plans // Tokyo NIRA Policy Research 2001, vol 14, # 2 - 0,5 п л
- 29 *Sevastyanov S* Multilateral Economic Cooperation as an Asset in Integrating the Russian Far East into the Asia Pacific Region // Tokyo NIRA Policy Research 2002, vol 15, # 2 - 0,5 п л
- 30 *Sevastyanov S* Case Studies for Policy Negotiation Northeast Asia and Russian Far East's Cases // Proceedings of the Workshop on Policy Negotiation Seoul KDI School of Public Policy and Management, 2003 - 1,0 п л
- 31 *Sevastyanov S* Strengthening the Role of the Russian Far East and Primorsky Region in Economic Cooperation with Northeast Asian Countries // Proceedings of the international conference "Prospects for Cross-Border Cooperation in the East Sea Sub-Region" Seoul KRIHS, 2005 - 1,0 п л
- 32 *Sevastyanov S* Current State and Prospects for Russian – North – South Korean Triangular Economic Cooperation // Proceedings of the 15th IFANS – IMEMO conference «The Current Situation in Northeast Asia and Russian-Korean Relations Seoul IFANS, 2005 - 1,75 п л
- 33 *Sevastyanov S* Business and Investments Opportunities in Northeast Asia and Greater Tumen Region Russian Perspective // Proceedings of the Investment Forum 2007 "Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia" Beijing Tumen Secretariat, 2007 - 0,3 п л
- 34 *Sevastyanov S* The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin's Russia Security Implications for Northeast Asia // Durham University, UK East Asia (An International Quarterly) 2008, № 25 - 1,8 п л
- 35 *Sevastyanov S* East Asian Regionalism Theoretical and Practical Approaches // Proceedings of the international conference "Seeking ways for Business & Economic Cooperation among the Nations along the Silk Road» Daegu Korean Association of Logos Management, RK, 2008 - 0,5 п л

Заказ № 1328 от 09 09 2009 г
Объем 2,7 п л
Тираж 120 экз

Издательство Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул Гоголя, 41

Отпечатано в типографии ВГУЭС
690600, Владивосток, ул Державина, 57